

ПЛАСТИНЧАТЫЕ ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА И ПОДВЕСКИ НА НИЖНЕМ ДОНУ И В ПРЕДКАВКАЗЬЕ (ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАП ЭПОХИ БРОНЗЫ)

© 2010 г. В.В. Потапов

Археологическое научно-исследовательское бюро, Ростов-на-Дону

Одним из основных культурных маркеров наряду с керамической посудой, техникой домостроительства, погребальным обрядом являются украшения. Разнообразные виды украшений, даже заимствованные у соседних народов, изготавливались в собственной культурной среде, по определенным технологическим канонам и в соответствии с эстетическими воззрениями той или иной группы населения. Значение украшений как культурного признака возрастает для тех групп памятников, которые представлены преимущественно погребениями.

Несколько лет назад было предложено постерубные погребения XII–X вв. до н.э. юга степной зоны европейской части России объединить в одну культурную группу. Основанием для этого послужила близость погребального обряда на определенной территории, окруженной заведомо инокультурными памятниками (Потапов, 2005. С. 148). К настоящему времени эта группа включает 62 погребения на территории Нижнего Дона и степного Предкавказья, достигая на юге предгорий Северного Кавказа, а на востоке – Волги. В поисках иных, помимо погребальной обрядности, культуuroобразующих признаков автор обратился к височным кольцам и подвескам. 22 экземпляра колец из этих погребений относятся к двум разновидностям: проволочные, т.е. изготовленные из бронзовой проволоки, и пластинчатые – из металлических полосок. На фоне почти абсолютного доминирования проволочных изделий в безозерских памятниках Северного Причерноморья несколько неожиданно относительно широкое распространение на его восточной окраине нескольких типов (1–6) пластинчатых колец и подвесок (16 экз. в 13 могилах).

1. Пара подвесок овальной формы из погребения Беглица XVI-3-10¹ (Илюков, Казакова, 1988. С. 108. Рис. 17, 12), согнуты из узких бронзовых пластинок с заходящими друг за друга концами (рисунок, 1). Точные аналогии мне не известны. Датировка комплекса подтверждается находкой в нем узкой многовитковой пронизи и бляшкой с маленькой петлей на обороте.

2. Четыре круглых кольца с заходящими друг за друга приостренными концами, с сужением в верхней части происходят из погребений Кривая Лука V-5-9 (Дворниченко, Кореняко, 1989. С. 152. Табл. 62, 7) в низовьях Волги и Койсуг-4-38 (Потапов, 1999. С. 64, 65. Рис. 3, 2), Крепинский I-18-9 (Потапов, 2005. Рис. 3, 9), Черный II-1-6 (Парусимов, 2004. С. 52. Рис. 5, 4) на Донском левобережье (рисунок, 2–5). Последние два комплекса датируются ножами с параллельными лезвиями. Такое же кольцо найдено в кобяковском погребении Хапры-1-19 на Дону (Потапов, 1993. С. 219, 220. Рис. 1, 3) (рисунок, 6). Серия неоднородных пластинчатых височных колец с сужением-перемычкой (рисунок, 7, 8) происходит из западнокобанских памятников (Козенкова, 1998. С. 35, 36. Табл. IX, 14–18, 20).

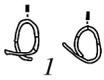
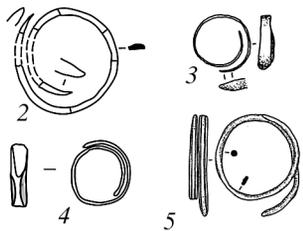
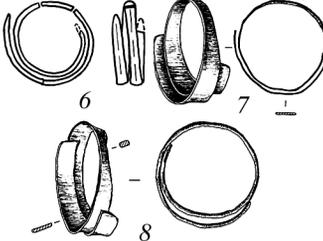
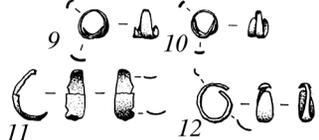
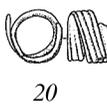
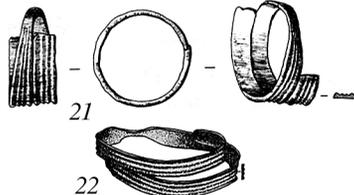
¹ Здесь и далее курганные погребения обозначены шифром: название могильника – номер могильника или группы (если есть) – курган – погребение.

3. Круглые подвески (не менее 6 экз.) из слабоогнутой пластины с утончающимися концами и перехватом в верхней части (рисунок, 9–12) происходят из финально-бронзовых погребений степного Ставрополя: Ипатово 3-2-5 и 12 (Кореневский и др., 2007. С. 32, 34. Рис. 17, 5, 7; 19, 7) и еще двух неопубликованных комплексов². Отметим, что авторы публикации относили погребение 5 к стратиграфически выделяемой группе погребений финальной бронзы, датируемой многими яркими вещами: проволочной подвеской, бронзовым ножом с параллельными лезвиями и кольцевидным упором, костяной пуговицей, сосудом и др. (Кореневский и др., 2007. С. 88). Как и в предыдущем случае, наличие перемычки на подвесках подтверждает их финальнобронзовую дату. Близка по форме ставропольским изделиям отличающаяся лишь размерами находка из погребения 9 Инжичукунского западнокобанского могильника (рисунок, 13), датируемого не позднее рубежа II–I тыс. до н.э. (Козенкова, 1998. С. 35. Табл. IX, 14).

4. Простое височное кольцо, свернутое из бронзовой полоски в 1.2 оборота, найдено в погребении Орловский I-1-12, обломок подобного предмета (рисунок, 14, 15) происходит из погребения Усть-Джегута-32-17 в Верхнем Прикубанье (Нечитайло, 1964. Рис. 34, 4). Похожие кольца в период финальной бронзы известны в маклашеевской культуре Волго-Камья (Халиков, 1980. Табл. 54, 2–4) (рисунок, 16), кобанской культуре Северного Кавказа (Козенкова, 1998. С. 35, 36. Табл. IX, 11, 19; 2001. Рис. 35, 2, 3). Находки таких колец в гробнице 2 могильника Терезе, в погребениях 41 Сержень-Юрта, 5 могильника Инжичукун говорят об их архаичности в рамках кобанской культуры (рисунок, 17–19). Вместе с тем население восточного варианта этой культуры использует такие кольца и в начале эпохи раннего железа. Круглая пластинчатая подвеска найдена в безозерском погребении Золотая Балка 3 (Тереножкин, 1976. С. 44. Рис. 2, 7). Известны они и на границе степи и лесостепи, в чернолесской культуре начала эпохи железа (Ромашко, 1984. С. 107. Рис. 1, 5).

5. В погребении Новопалестинский II-5-7 найдено височное кольцо, согнутое из бронзовой рифленой полоски в 1.5 оборота (рисунок, 20). Один конец приострен, другой утрачен (Калмыков, Потапов, 2004. С. 107. Рис. 2, 7). Полные аналогии ему не известны, однако продольное рифление присутствует на ряде изделий XII–X вв. до н.э., найденных в погребении Черный II-1-6 (рисунок, 5) гробнице 2 могильника Терезе (Козенкова, 2004а. С. 116, 117. Табл. 29, 4, 5) (рисунок, 21). В.И. Козенкова, указывая на находки рифленых изделий в раннегалльштатской культуре Козия-Сахарна, подчеркивает их генетическую связь (1998. С. 36; 2004б. С. 75). Впрочем, более важным оказывается то, что гробница 2 Терезе датируется “не позднее рубежа II–I тысячелетий до н.э.” (Козенкова, 2004б. С. 73), а комплексы с

² Благодарю за информацию А.А. Калмыкова.

Т и п	Пластинчатые кольца в донно-предкавказских группе погребений	Пластинчатые кольца в других культурах
1		
2		
3		
4		
5		
6		

Типы пластинчатых височных колец и подвесок из пострубных погребений Нижнего Дона и Предкавказья. 1 – Беглиця XVI-3-10; 2 – Крепинский I-18-9; 3 – Койсуг-4-38; 4 – Кривая Лука V-5-9; 5 – Черный II-1-6; 6 – Хапры -1-19; 7, 8, 17, 21 – могильник Терезе, гробница 2; 9, 10 – Ипатово 3-2-12; 11, 12 – Ипатово 3-2-5; 13 – могильник Инжиччукун, погр. 9; 14 – Орловский I-1-12; 15 – Усть-Джегута-32-17; 16 – могильник Новомордовский V; 18, 19 – поселение Сержень-Юрт; 20 – Новопапестинский II-5-7; 22 – могильник Сахарна I, к. III; 23 – могильник Салок, погр. 42; 24 – Хаджиллар-1-3.

аналогичными изделиями в Молдове³ (рисунок, 22) – концом X в. до н.э. (Кашуба, Гольцева, 1991. С. 200, 208. Рис. 2, 2–6).

6. Овальное височное кольцо, согнутое из золотой пластины с приостренными концами, с выдавленным ребром по оси и двумя точками на конце (рисунок, 23), происходит из погребения 42 грунтового могильника Салок (Потапов, 2007. С. 271. Рис. 1, 19). Полные аналогии ему неизвестны. Круглые золотые височные подвески из белозерских могил (Ванчугов, 1990. С. 98. Рис. 35, 14, 15; Агульников и др., 2001. С. 98. Рис. 3, 12) обнаруживают определенное сходство с изделием из Салка. Все они пластинчатые, согнутые в 1.2–1.5 оборота, с заостренными концами. На пластинках из Салка и Хаджиллара изнутри выдавлено ребро (рисунок, 24). Является ли это отражением

белозерского влияния? Для Причерноморья в это время характерны проволочные типы височных подвесок и колец, а в доно-предкавказских степях, как выяснилось, преобладают пластинчатые. Не исключено, что их появление в белозерской культуре связано как раз с восточным и юго-восточным влиянием.

Итак, пластинчатые височные кольца и подвески Нижнего Дона, судя по приведенным аналогиям или находкам вместе с ними надежных хроноиндикаторов, могут быть датированы в рамках заключительного этапа поздней бронзы. Разнообразные типы этих украшений появляются на Северном Кавказе в кобанской культуре с XII в. до н.э., некоторые из них продолжают встречаться и в эпоху раннего железа. В степной зоне нет таких изделий в комплексах, содержащих материал, датированный временем позднее рубежа X–IX вв. до н.э. Во всяком случае, мы можем уверенно утверждать это для степных районов Предкавказья, Подонья и Поволжья. Определенное

³ Отметим, что авторы публикации называют эти изделия браслетами (Кашуба, Гольцева, 1991. С. 200).

распространение пластинчатые типы получили и в белозерской культуре.

Сравнивая представленные пластинчатые височные кольца и подвески с белозерскими, кобанскими и т.д., мы нигде не находим полных аналогий. Фиксируется близость в форме изделий или деталях: сужение-перемычка, рифление, желобчатость, ребро. Более того, найденные в доно-предкавказских степях височные кольца 2 и 3-го типов образуют здесь пусть небольшие, но достаточно устойчивые серии. Следовательно, речь о прямых заимствованиях идти не может. Появление пластинчатых типов в степной среде представляется результатом знакомства с украшениями южных соседей, указывает на достаточно регулярные контакты степняков и западнокобанских племен. Эти украшения, по крайней мере височные подвески и кольца, были переработаны и упрощены с учетом возможностей технологии обработки бронзы, в соответствии с особенностями местного костюма и головных уборов. В итоге пластинчатые височные кольца и подвески с приостренными концами, зачастую с сужением-перемычкой, иногда снабженные рифлением, маркируют в степи ту же культурную группу, которая выделена по данным погребального обряда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агульников С.М., Бубулич В.Г., Курчатова С.И. Курганный могильник у с. Хаджиллар в нижнем Поднестровье // ССПК. Т. IX. Запорожье, 2001.
- Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.
- Дворниченко В.В., Кореняко В.А. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и южном Приуралье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989 (Археология СССР).
- Ильюков Л.С., Казакова Л.М. Курганы Миусского полуострова. Ростов н/Д., 1988.
- Калмыков А.А., Потанов В.В. Погребение из могильника Золоторевка I и некоторые вопросы генезиса черногорской культуры // ССПК. Т. XI. Запорожье, 2004.
- Кашуба М.Т., Гольцева Н.В. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) // СА. 1991. № 1.
- Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М., 1998 (САИ; Вып. В2-5).
- Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001.
- Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних "кобанцев". Могильник Терезе конца XII-VIII в. до н.э. М., 2004а (МИИХНСК; Вып. V).
- Козенкова В.И. Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004б.
- Кореньевский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе позднего бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М., 2007.
- Нечитайло А.Л. Отчет о раскопках курганов у ст. Усть-Джегутинской Ставропольского края в 1964 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 12872.
- Парусимов И.Н. Раскопки кургана у х. Крылов // ИАИАНД в 2003 году. Вып. 20. Азов, 2004.
- Потанов В.В. Погребения кобяковской культуры на станции Хапры // РА. 1993. № 3.
- Потанов В.В. Черногорские погребения в низовьях левого берега Дона // ДА. 1999. № 1.
- Потанов В.В. О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // II Городцовские чтения. М., 2005 (Тр. ГИМ; Вып. 145).
- Потанов В.В. Погребение с набором украшений в низовьях р. Сал // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 7. Луганськ, 2007.
- Ромашко В.А. Некоторые особенности погребального обряда чернолесской культуры // Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н.э. Днепропетровск, 1984.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
- Халиков А.Х. Приказанская культура. М., 1980 (САИ; Вып. В1-24).

КИНЖАЛЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ VIII-X вв.

© 2010 г. У. Ю. Кочкаров

Институт археологии РАН, Москва

Одним из малоизученных предметов вооружения средневековых северо-кавказских воинов являются кинжалы – обоюдоострое короткоклинковое прямое или изогнутое оружие ближнего боя. По этнографическим данным, кинжалы у народов Северного Кавказа были не только боевым оружием, но несли эстетическую и информационную нагрузку, определяя статус владельца (принадлежность к князьям и дворянам, состоятельность и т.д.).

В связи с малочисленностью находок кинжалов в средневековых памятниках о них писали мало. В работе А.Н. Кирпичникова лишь упоминается их существование

на территории Древней Руси. Кинжалы, по его мнению, в составе снаряжения "русского рыцаря" распространяются в XIII в. Исследователь считает, что они появляются лишь в "эпоху утяжеления вооружения как средство поражения бронированного противника в тесном бою" (Кирпичников, 1966. С. 72, 73). Кинжалам посвящены небольшие разделы в работах многих оружейников (см. например: Горбунов, 2006. С. 74–83). Одна из самых значительных – статья А.К. Амброза (1986), посвященная так называемым кинжалам VI–VIII вв. с двумя выступами на ножах, которые встречаются по всей Восточной Европе и Азии.